

Е.П. Педчак

«Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»

Стихотворение начинается пространным заглавием, в котором поэт с преувеличенной серьезностью сообщает, при каких обстоятельствах было написано стихотворение «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче (Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.)» с этой преувеличенной серьезности начинается шутка Маяковского.

Вообще, все стихотворение с его вполне серьезным и значительным идейным содержанием воплощено в шутливых, иногда иронических тонах, часто с использованием каламбуров, развернутых метафор. Атмосфера добродушной иронии, в том числе и над самим собой, сопровождает весь ход развития событий в стихотворении, лишь в конце перерастая в открытый пафос утверждения поэтического труда, несущего людям пользу и радость. Дачный поселок описывается коротко, но точно:

Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
А низ горы —
Деревней был,
Кривился крыш корою.

Но вслед за реалистической картиной появляется что-то совсем необычное:

А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.

Сказочность, наивность ситуации настраивает на веселый лад.

Поэтому кажется неоправданным раздражение, которое испытывает поэт:

И день за днем
ужасно злить
меня вот это стило.

Но, во-первых, жарко («жара с ума сводила...»), а, во-вторых, размеренное, однообразное движение солнца по небу, да еще без всякой видимой цели, напоминает поэту кажущуюся утомительной монотонность его повседневной работы, ее кажущуюся бесполезность.

Если сначала поэт обращается к солнцу фамильярно: «дармоед», несколько пренебрежительно-высокомерно: «златолобо» (невольно всплывает в памяти насмешливый эпитет «медный лоб»), то затем обращение звучит уважительно: даже не «солнце», а «светило».

Здесь солнце окончательно персонифицируется и превращается во вполне реального собеседника, шутит и каламбурит:

Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья...

Заваленный повседневной работой поэт жалуется солнцу, что его «заела РОСТА», не оставляя времени и сил на творчество. Но солнце не принимает жалобы. Оно считает, что, коль скоро ты взялся за дело, его нужно доводить до конца, несмотря ни на что:

А мне, ты думаешь,
светить

легко? —
Поди, попробуй! —
А вот идешь —
взялось идти,
идешь — и светишь в оба!»

Обращает внимание игра слов: «светить в оба» — как будто бы «глядеть в оба»; не просто выполнять работу, но чувствовать себя за нее в ответе перед людьми.

Во второй части стихотворения фантастический гротеск с шутливыми каламбурами, с комическим наивным отношением к необычному визиту уступает место серьезному разговору о месте поэта в обществе, о назначении поэтического слова.

Поэт ощущает себя соратником солнца, потому что они делают одно общее важное дело — освещают людям путь в жизни:

А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!»

Поэзия — как солнечный луч, разгоняющий мрак и темноту, и под «двустволкой солнца» (то есть под воздействием солнца-светила и солнца-поэзии) рушится и «стена теней», и «ночей тюрьма».

Поэт говорит как бы о непрекращающемся взаимодействии соратников, которые «взялись идти», чтобы совместными усилиями разгонять мрак отсталости, бескультурья и невежества.

Труд этот нелегкий и долгий. Но уж если «взялось идти», то идти нужно до конца дней своих, до самого «дна дней»:

Светить —
и никаких гвоздей!

Так, поначалу шутливое стихотворение «Необычайное приключение...» в финале утверждает большую мысль о высоком назначении поэта и поэзии, о радости творческого труда, о преодолении временной усталости и неуверенности. На контрастном сочетании смешного и иронического с серьезным и лирическим поэт выражает главную идею стихотворения.